

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД

Генри Райдер Хаггард — знаменитый английский писатель, классик мировой приключенческой литературы. Роман из цикла об Айше «Она» входит в список мировых бестселлеров и является одной из самых популярных книг в мире: он переведен на 44 языка, а с 1965 года продано более 83 миллионов экземпляров.

Лео Винси в свой двадцать пятый день рождения должен открыть пакет, оставленный для него отцом. В нем хранится древняя тайна их семьи — документы и осколок керамики, которые приведут Лео к настоящей истории о его предках. Винси и кембриджский профессор Хорейс Холи отправляются в Восточную Африку на поиски затерянного королевства. Их цель — раскрыть тайну семьи Лео. Они обнаруживают племя туземцев и таинственную белую королеву — Айшу, которая знает все о бессмертии. Возможно, именно она поможет разгадать древнюю загадку предков молодого Винси...

*... Судно потерпело крушение у берегов Мадагаскара, лишь через несколько месяцев меня подобрал английский корабль... По пути я остановился в Греции, и там — *Отпиа vincit amor* — я встретил твою будущую мать, полюбил ее и женился, но, к великому моему горю, она умерла при родах. Моя болезнь резко обострилась... Но надежда все еще не покидала меня, и я взялся за изучение арабского языка с твердым намерением возвратиться (если мне вдруг станет лучше) к берегам Африки и разрешить наконец тайну, которая вот уже много веков висит над нашим родом. Но мне не суждено было поправиться, жизнь моя завершена. А для тебя, мой сын, жизнь только еще начинается, поэтому я передаю тебе все раздобытые мною сведения вместе с доказательствами древности нашего рода...*

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЙШИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЙШИ

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3390-4

9 786171 233904

КЛУБ
СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

ГЕНРИ РАЙДЕР
ХАГГАРД

ГЕНРИ РАЙДЕР ХАГГАРД

ПРИКЛЮЧЕНИЯ АЙШИ

РОМАНЫ

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Х13

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Печатается по изданию:

Г. Р. Хаггард. Собрание сочинений : В 10 т. / Генри Райдер
Хаггард. Т. 10 : Она ; Возвращение Айши ; Черное Сердце
и Белое Сердце : Романы, рассказ. — М. : Терра, 1993. — 496 с.

Перевод с английского
Алева Ибрагимова

Составитель *Ольга Дыдыкина*

Дизайнер обложки *Юлия Маланьина*

ISBN 978-617-12-3390-4

© А. Ш. Ибрагимов. Наследник, перевод, 2017
© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2017

ОНА

*На земле, в небесах, в океанской бездне
Несчетно чудес, лишь очи отверзни.
Двустипшие с черепка вазы,
принадлежавшей Аменартас*

Вступление

Выпуская в свет это повествование о самых, может быть, поразительных и таинственных приключениях (даже если смотреть на них просто как на приключения), когда-либо пережитых смертными, я считаю своим долгом объяснить, каким образом рукопись очутилась в моем распоряжении.

Несколько лет назад я, издатель, гостил у своего приятеля — *vir doctissimus et amicus meus*¹ — в университете — по некоторым соображениям назову его Кембриджским. Однажды на улице мое внимание привлекли двое джентльменов, которые рука об руку шли нам навстречу. Один из них был молодой человек совершенно исключительной красоты — очень высокий и широкоплечий, с властным взглядом и естественной, как у дикого оленя, грацией движений. Черты его лица были почти безупречны, к тому же в них чувствовалось врожденное благородство, а когда он поднял шляпу, приветствуя проходящую леди, я увидел, что у него короткие кудрявые волосы ярко-золотого цвета.

¹ Мужа ученейшего и моего друга (*лат.*). — *Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.*

— Господи! — воскликнул я, обращаясь к своему другу. — Этот малый похож на ожившую статую Аполлона. Какое великолепное сложение!

— Да, — ответил он, — у нас в университете его считают первым красавцем, даже прозвали Греческим Богом, притом он очень приятен в обращении. Но погляди на его спутника — это опекун Лео Винси (так зовут Греческого Бога), человек очень сведущий и эрудированный. Прозвище его — Харон.

Последовав его совету, я убедился, что второй джентльмен в своем роде ничуть не менее примечателен, чем тот превосходный экземпляр рода человеческого, который шел с ним рядом. Человек уже немолодой, около сорока, он был столь же безобразен, сколь первый красив. Приземистый, кривоногий, с огромной грудью и несоразмерно длинными ручищами. Глаза — маленькие, лоб весь зарос темными волосами, лицо почти скрыто густыми бакенбардами. Не будь у него такого доброго, искреннего взгляда, он, пожалуй, мог бы сойти за гориллу. Помнится, я сказал другу, что хотел бы с ним познакомиться.

— Нет ничего проще, — ответил тот. — Я знаком с Винси, могу тебя представить.

Несколько минут мы оживленно болтали — кажется, о зулусах, потому что незадолго перед тем я вернулся из Южной Африки. Вскоре, однако, появилась дородная дама — ее имя выскользнуло у меня из памяти — вместе с хорошенькой блондиночкой. Обе они принадлежали к кругу знакомых мистера Винси, и он тут же примкнул к их обществу. Забавно было наблюдать, как перекосилось лицо пожилого джентльмена — его звали Холли — при появлении женщин. Он резко оборвал разговор, укоризненно посмотрел на своего спутника, кивнул мне головой в знак прощания и ушел. Позднее мне довелось слышать, что он питает такой же непреодолимый страх перед женщинами, как большинство людей перед бешеными собаками, чем и объяснялась его поспешная ретирада. Не могу, правда, сказать, чтобы молодой Винси разделял подобное отвращение к женскому полу. Я со смехом заметил приятелю, что этот молодой человек не из тех, с кем следует знакомить свою невесту: слишком уж он привлекателен, тем более что в нем нет и сле-

да чувства превосходства, тщеславия, свойственного обычно людям красивым, которое отталкивает от них окружающих.

В тот же вечер я уехал и долгое время не слышал ничего ни о Хароне, ни о Греческом Боге. И не только ничего не слышал, но и по сей день не видел их самих, да и вряд ли увижу. Но месяц назад я получил письмо и две бандероли, в одной из которых оказалась какая-то рукопись. Письмо, подписанное еще незнакомым мне тогда полным именем — Хорейс Холли, гласило:

«...колледж, Кембридж,
1 мая 18. г.

Дорогой сэръ,

Вы, видимо, будете удивлены, получив от меня письмо, ведь Вы, конечно, обо мне забыли. Разрешите напомнить Вам, что мы встречались пять лет назад в Кембридже. Вам представляли меня вместе с моим подопечным Лео Винси. Перехожу сразу к делу. Недавно я с большим интересом прочитал Вашу книгу, описывающую приключения, происходящие в Центральной Африке. В этой книге, насколько я могу судить, реальные события переплетаются с вымышленными. Как бы там ни было, ее чтение натолкнуло меня на одну мысль. Как Вы узнаете из прилагаемой рукописи (я отправляю ее вместе со скарабеем — “Царственным сыном Солнца” — и черепком древней вазы), мы вместе с моим подопечным, вернее, приемным сыном, Лео Винси пережили недавно в Африке приключения столь удивительные по сравнению с Вашими, что я даже опасюсь, как бы Вы не усомнились в правдивости моего повествования. Как Вы заметите, мы с Лео не хотели при жизни предавать гласности историю наших приключений. И если бы не одно недавно возникшее обстоятельство, наше общее решение осталось бы неизменным. Побуждаемые причинами, которые Вы сможете угадать по прочтении рукописи, мы отправляемся в Центральную Азию; если и есть на земле место, где можно обрести высшую мудрость, то оно там. Мы предполагаем, что путешествие окажется очень длительным. Сомнительно, что мы вообще вернемся. При таких условиях мы снова вынуждены задаться вопросом: правильно ли поступаем, скрывая от мира фе-

номен, представляющий поистине беспрецедентный интерес, только потому, что не хотим выставлять напоказ свою частную жизнь, а также и потому, что опасаемся встретить насмешки и недоверие? Тут наши с Лео взгляды разошлись, и после долгих споров мы пришли к компромиссному решению, а именно, послать повествование Вам, предоставив полное право опубликовать его в случае, если Вы сочтете это целесообразным. Единственное условие, которое мы ставим, — скрыть наши подлинные имена и опустить все, что может на нас указать, конечно, не во вред убедительности нашего повествования.

Что еще добавить к уже сказанному? Честно говоря, не знаю, могу только повторить, что все события описаны в рукописи с неукоснительной точностью. Не могу я раскрыть полнее и образ главной героини — Ее. С каждым днем мы все сильнее сожалеем, что не воспользовались обществом этой замечательной женщины, чтобы получить от нее поистине бесценные сведения. Кто она? Каким образом очутилась в пещерах Кора и какова ее истинная религия? Мы никогда не пытались выяснить это, и вряд ли нам представится другая такая возможность. Мой ум осаждают множество подобных вопросов, слишком, к сожалению, запоздалых.

Возьметесь ли Вы за опубликование рукописи? Мы предоставим Вам полнейшую свободу; наградой Вам послужит уникальная возможность познакомить мир с удивительной историей, которая, как Вы убедитесь, не имеет ничего общего с приключенческими романами, основанными исключительно на вымысле. Прочитайте же рукопись (я перебелил ее для Вас) и сообщите мне о своем решении.

С искренней симпатией

Л. Хорейс Холли

Р. S. Если это издание принесет какую-нибудь прибыль, Вы можете располагать ею по своему усмотрению; в случае же, если оно окажется убыточным, Вы можете обратиться к моим нотариусам, господам Джеффри и Джордану, которые возместят все понесенные Вами расходы. Оставляем также черепок вазы, скарабея и пергаменты, с тем чтобы Вы хранили их до нашего возвращения. — Л. X. X.»

Это письмо, как легко можно себе представить, сильно меня удивило. В течение двух недель я был слишком занят, чтобы взяться за чтение рукописи. Когда же наконец я принялся за нее, изумлению моему не было пределов. Уверен, что и читатели испытают то же чувство, поэтому я решил поторопиться с опубликованием рукописи. Я тотчас же направил ответ мистеру Холли, но через неделю письмо было возвращено его нотариусами с припиской, что их клиент и мистер Лео Винси отбыли в Тибет и где они сейчас находятся — неизвестно.

Вот и все, что я хотел бы сказать. Само повествование я отдаю на суд читателей. Целиком, как оно есть, за исключением немногочисленных купюр, сделанных с единственной целью, чтобы широкая публика не могла опознать главных действующих лиц. Воздерживаюсь от каких бы то ни было комментариев. Сначала я склонялся к мысли, что все это повествование о женщине, облеченной величием бесчисленных прожитых лет и осененной темным, как ночь, крылом Вечности, не что иное, как развернутая аллегория с ускользающим от меня смыслом. Затем я пришел к выводу, что это — смелая попытка изобразить возможные плоды жизни столь долгой, что ее можно приравнять к бессмертию, жизни женщины, которая черпала свою силу в Земле и в чьей груди бурлили человеческие страсти, как в этом вечном мире бушуют морские волны и ветры, если и затихающие, то лишь для того, чтобы обрести новую силу. Но, продолжая чтение, я отбросил и эту мысль. Я убежден, что повествование отмечено печатью полной достоверности. Поиски же объяснений я оставляю другим. Закончив это небольшое вступление, которого потребовали обстоятельства, я отсылаю читателей к истории Айши, царственной обительницы пещер Кора.

P. S. Когда я перечитывал рукопись, мне пришло в голову одно важное соображение, на которое я не могу не обратить внимания читателей. В характере Лео Винси — думаю, тут со мной согласится большинство читателей — нет ничего, что могло бы привлечь женщину столь мудрую, как Айша. Лично я не вижу в нем ничего особенно интересного. Можно даже себе представить, что при обычных обстоятельствах мистер

Холли скорее мог бы добиться ее благосклонности. Сказывалось ли здесь взаимное тяготение противоположностей, или, может быть, превосходство и великолепие ее рассудка, по какой-то своей извращенной логике, увлекали ее на путь поклонения материальному, плотскому? Этот древний Калликрат в сущности — лишь великолепное животное, блистающее потомственной греческой красотой. Есть и еще одно, самое правдоподобное объяснение: Айша видела раньше, чем мы все; в душе своего возлюбленного она прозревала тлеющую искру, росток его грядущего величия. Она уповала, что с помощью дара вечной жизни, с помощью мудрости и солнечного света самого своего присутствия сможет взрастить цветок, который наполнит благоуханием весь мир, озарит его звездным сиянием.

И здесь тоже у меня нет готового ответа — пусть читатель ознакомится с событиями, описанными мистером Холли, и сам вынесет свое решение.

Издатель

ГЛАВА I

Ночной посетитель

Бывают в жизни события, каждым своим обстоятельством, каждой сопутствующей подробностью неизгладимо врезающиеся в память. Сцена, которую я собираюсь сейчас описать, может быть неплохой иллюстрацией к этой мысли. Она стоит у меня перед глазами с такой необычной ясностью, как будто произошла лишь накануне.

Двадцать лет назад, в этом же самом месяце, я, Людвиг Хорейс Холли, сидя у себя дома в Кембридже, корпел над — не помню какой — математической задачей. Через неделю я должен был держать экзамен, с тем чтобы занять место в ученом совете, и мой руководитель, как и весь колледж, ждал от меня блистательных результатов. Наконец в полном изнеможении я отшвырнул книгу, взял трубку с каминной доски и принялся набивать ее табаком. Тут же на камине стояло длинное узкое зеркало, и при свете свечи я увидел в нем свое отражение —

и задумался. Спичка, догорая, обожгла мне пальцы, я выронил ее, но продолжал смотреть в зеркало, все еще в глубокой задумчивости.

— Ну что ж, — произнес я наконец вслух, — я никогда ничего не добьюсь с помощью своей внешности, остается только надеяться на голову.

Может быть, кому-то это замечание покажется не совсем понятным, но я имел в виду вполне определенные недостатки своей наружности. Большинство двадцатидвухлетних мужчин привлекательны хотя бы молодостью, но судьба не послала мне и этого утешения. Представьте себе низкорослого, коренастого мужчину с непомерно широкой грудью, длинными жилистыми руками, глубоко посаженными серыми глазами, низким лбом в густых черных волосах — этот лоб напоминает полузаглохшую лесную делянку, — такова была моя внешность около четверти века назад, такова она, с небольшими изменениями, и поныне. Природа отметила меня каиновой печатью невероятного уродства и в то же время наградила меня невероятной физической силой и незаурядным умом. Я так чудовищно некрасив, что франтоватые молодые люди из колледжа, хотя и гордятся моей силой и выносливостью, избегают появляться в моем обществе. Удивительно ли, что я рос мрачным мизантропом? Удивительно ли, что я предавался размышлениям и работал в одиночестве, что у меня был один-единственный друг? Сама Природа осудила меня на одиночество, я обретаю утешение лишь на ее — ни на чьей больше — груди. Женщины сторонятся меня. Всего неделю назад одна из них, думая, что я ее не слышу, назвала меня чудовищем и добавила, что я убедил ее в верности теории о происхождении человека от обезьяны. Однажды я встретил женщину, которая притворилась, будто любит меня, я излил на нее свой неизрасходованный запас чувств. И что же? Когда я не получил значительной суммы денег, на которую рассчитывал, она дала мне отставку. Я умолял ее не покидать меня, как никогда не умолял ни одно живое существо, ибо очень дорожил ею, но она подвела меня к зеркалу.

— Меня можно назвать красавицей, — сказала она. — А вот как назвать тебя?

Мне было тогда двадцать лет.

Итак, я стоял и смотрел в зеркало, испытывая мрачное удовлетворение от своего одиночества, — ведь у меня не было ни отца, ни матери, ни брата, — когда кто-то постучал в дверь.

Я не спешил открывать дверь, ибо было уже около двенадцати часов ночи, и я не чувствовал никакого желания разговаривать с каким-либо незнакомцем. В колледже, да и во всем мире у меня был лишь один друг — возможно, это он?

За дверью кашлянули, я сразу же узнал этот кашель и отпер замок.

В комнату торопливо вошел человек лет тридцати с очень красивым, хотя и довольно изможденным лицом. В правой руке он с трудом тащил массивный железный сундучок. Взгромоздив сундучок на стол, он сильно закашлялся. Кашлял долго-долго, пока весь не побагровел. Не в силах стоять, он повалился в кресло и начал харкать кровью. Я плеснул в бокал немного виски и протянул ему. Он выпил, и ему как будто бы полегчало, но не намного.

— Почему ты так долго меня не впускал? — проворчал он. — Эти сквозняки для меня просто смерть!

— Я не знал, что это ты, — объяснил я. — Время-то уже позднее.

— Я думаю, это мое последнее посещение, — ответил он с жуткой гримасой, долженствующей изображать улыбку. — Плохи мои дела, Холли. Очень плохи. Вряд ли я дотяну до завтрашнего утра.

— Глупости! — сказал я. — Сейчас я сбегаю за доктором.

Повелительным взмахом руки он отклонил мое предложение.

— Я рассуждаю вполне здраво, не надо никаких докторов. Я ведь изучал медицину и знаю о своей болезни все, что следует знать. Ни один доктор не может мне уже помочь. Настал мой последний час! Целый год я живу только чудом... А теперь послушай меня, и как можно внимательнее, потому что у меня не будет возможности повторить то, что я тебе скажу. Мы дружим уже два года — и что ты обо мне знаешь?

— Я знаю, что ты богат и по какой-то своей причуде поступил в наш колледж в том возрасте, когда почти все другие его заканчивают. Я знаю, что ты был женат, но твоя жена умерла при родах, и что ты мой лучший, можно сказать, единственный друг.

— А знаешь ли ты, что у меня есть сын?

— Нет.

— У меня есть пятилетний мальчик. Он достался мне слишком дорогой ценой, ценой жизни его матери, поэтому я даже не хотел его видеть. Холли! С твоего, разумеется, согласия я хочу назначить тебя опекуном моего сына.

Я едва не выпрыгнул из кресла.

— Меня?

— Да. Я хорошо изучил тебя за эти два года. С тех пор как я понял, что обречен, я неустанно ищу человека, которому мог бы доверить и мальчика, и вот это... — Он постучал по сундучку. — Никого более подходящего, чем ты, Холли, мне не найти; ты похож на дерево с грубой шершавой корой, но прочной и здоровой сердцевиной... Послушай: мой мальчик — единственный потомок одного из самых древних, насколько позволяет проследить генеалогия, родов мира. Рискуя вызвать у тебя на губах недоверчивую улыбку, я все же скажу, что моим шестьдесят пятым или шестьдесят шестым предком был египетский жрец Исида — Калликрат¹. Его отец — один из наемных греческих воинов Хак-Хора, мендесийского фараона двадцать девятой династии, а его дед, по-видимому, тот самый Калликрат, которого упоминает Геродот². Примерно в триста тридцать девятом году до Рождества Христова, когда пал по-

¹ Сильный и красивый, или, более точно: Прекрасный. — *Примеч. Л. Х. Х.*

² Калликрат, на которого ссылается мой друг, был спартанцем. Геродот (История, книга девятая, 72) отмечает его необыкновенную красоту. Он пал в знаменитой битве при Платеях (22 сентября 479 года до н. э.), когда лакедемонцы и афиняне, возглавляемые Павсонием, разгромили персов, истребив более трехсот тысяч человек. Привожу перевод этого отрывка: «Калликрат же, погибший в сей битве, почитался одним из красивейших греков того времени — не только среди самих лакедемонцев, но и среди других греческих племен. Когда Павсоний приносил жертву, Калликрат был ранен в бок стрелой, но они продолжали сражаться, и когда его, уже умирающего, понесли прочь, он сказал платейцу Аримнесту, что не страшится гибели за Грецию, но сожалеет, что так и не совершил достойного себя подвига». Этого Калликрата, по-видимому, столь же отважно, сколь и прекрасного, по свидетельству Геродота, похоронили среди илотов. — *Примеч. Л. Х. Х.*

следний фараон, этот Калликрат (жрец), нарушив обет безбрачия, бежал из Египта с влюбившейся в него принцессой Аменартас; их корабль потерпел крушение у берегов Африки, недалеко от залива Делагоа, точнее, севернее его. Весь экипаж погиб, спаслись только он сам и его жена. Им пришлось претерпеть тяжкие испытания, но в конце концов они нашли приют у могущественной царицы дикого народа, белой женщины необыкновенной красоты; при обстоятельствах, в которые я не хотел бы вдаваться, ибо ты узнаешь их, вскрыв сундучок, — эта царица убила нашего предка Калликрата. Его жене, однако, каким-то образом удалось бежать. В конце концов она добралась до Афин и там родила сына, названного ею Тисисфеном, то бишь Мстителем. Через пять с лишним веков ее потомки переехали в Рим. Об этом переезде не сохранилось никаких сведений. Возможно, они все еще не отказались от мысли о мести, воплощенной в самом имени Тисисфен. К тому времени они, правда, изменили фамилию на Виндекс, с тем же значением — Мститель. В Риме они также прожили около пяти веков. Когда в семьсот семьдесят четвертом году Шарлемань вторгся в Ломбардию, где они тогда обосновались, глава рода примкнул к великому императору, перешел с ним через Альпы и поселился после ряда переездов в Бретани. Через восемь поколений очередной глава рода переехал в Англию, где тогда царствовал Эдуард Исповедник, и во времена Вильгельма Завоевателя сумел достичь высокого положения и власти. С тех пор и вплоть до нынешнего дня наша генеалогия прослеживается без каких бы то ни было перерывов. Нельзя сказать, чтобы фамилия Винси — так она была переделана в Англии — особенно славилась: наши английские предки никогда не достигали самых вершин. Кое-кто служил в войсках, кое-кто занимался торговлей, но они всегда сохраняли достаточный уровень респектабельности, хотя и оставались в строгих рамках посредственности. Со времен Карла Второго и по начало нынешнего столетия они подвизались на поприще торговли и промышленности. Мой дед-пивовар сколотил довольно приличное состояние и в 1790 году отошел от дел. В 1821 году он умер, оставив все свое состояние моему отцу, который промотал значительную его часть. Через десять лет скончался и он, завещав мне

пожизненную ренту в две тысячи фунтов ежегодно. Тогда-то, изучив содержимое *вот этого*, — он показал на железный сундучок — я предпринял экспедицию, которая окончилась довольно плачевно. На обратном пути, путешествуя по югу Европы, я остановился в Афинах. Там я встретился со своей будущей женой, которая, как и наш древний предок Калликрат, вполне заслуживала эпитета «Прекрасная». Мы поженились, а через год во время родов она умерла.

Несколько мгновений он сидел молча, подпирая подбородок ладонью, потом продолжал:

— Женитьба помешала мне осуществить до конца свой замысел, а теперь уже слишком поздно. У меня не остается ни дня, Холли, ни дня. Если ты согласишься принять опекунство, ты узнаешь все, до подробностей. После смерти жены я начал готовиться к новой экспедиции. Начать, на мой взгляд, следовало с изучения восточных языков, прежде всего арабского. С этой целью я и поступил в колледж. В скором времени, однако, у меня развилась тяжелая болезнь, и вот я при смерти. — И как бы в подтверждение своих слов он разразился новым приступом кашля.

Я подлил ему виски, и, передохнув, он продолжил:

— Я никогда не видел своего сына Лео со времени его рождения. Это было свыше моих сил. Но говорят, что мальчик он смысленный и красивый. В этом конверте, — он достал адресованное мне письмо, — хранится план его образования. План этот довольно необычный, и я не могу доверить его осуществление человеку незнакомому. Итак, снова: принимаешь ли ты мое предложение?

— Сперва я должен знать, в чем это предложение состоит, — ответил я.

— Ты должен будешь жить вместе с Лео, пока ему не минет двадцать пять. Запомни: я не хочу, чтобы он ходил в школу, как все прочие дети. В двадцать пятый год его рождения твое опекунство заканчивается; этими вот ключами, — он положил их на стол, — ты откроешь железный сундучок, пусть Лео хорошенько ознакомится со всем, что в нем хранится, и скажет, готов ли он отправиться на поиски. Ничто его, во всяком случае, к этому не обязывает. Теперь об условиях. Мой нынешний

доход — две тысячи двести фунтов ежегодно. Половина этого дохода будет выплачиваться тебе пожизненно — если, конечно, ты примешь опекунство, — соответственно твое вознаграждение составит тысячу фунтов, ибо тебе придется посвятить своим обязанностям все силы и время. Сто фунтов пойдет на содержание мальчика. Всю остальную сумму ты будешь откладывать до достижения им двадцати пяти лет, так что если он решит отправиться на поиски, у него будет вполне достаточно для этого.

— А если я умру? — спросил я.

— Тогда обязанности опекуна примет на себя Высокий Суд, а там уж все зависит от самого мальчика. Не забудь только в своем завещании отписать ему сундучок. Не отказывайся, Холли. Поверь мне, ты не будешь внакладе. Ты ведь не рожден, чтобы вращаться в обществе — это только ожесточит твое сердце. Через несколько недель ты станешь членом ученого совета, и твоего жалованья вместе с денежной рентой, которую я тебе оставляю, вполне достаточно, чтобы, по мере желанья, заниматься научной работой, посвящая свой досуг спорту, который ты так любишь.

Он смотрел на меня с глубоким беспокойством, но я все еще колебался, не решаясь взвалить на себя такое необычное бремя.

— Умоляю тебя, Холли. Мы были с тобой добрыми друзьями, и у меня уже не остается времени перепоручить мальчика кому-нибудь другому.

— Хорошо, я согласен, — сказал я. — При условии, конечно, что в этом письме не окажется ничего, что могло бы принудить меня переменить свое решение. — И я притронулся к конверту, который он положил на стол рядом с ключами.

— Спасибо тебе, Холли, спасибо. Там нет ничего подобного. Поклянись именем Бога, что заменишь мальчика отца и точно выполнишь все мои наставления.

— Клянусь! — торжественно провозгласил я.

— Прекрасно. Помни только, что в один прекрасный день я спрошу с тебя за все отчет. Даже умерев, всеми забытый, я буду продолжать жить. Смерти нет, есть только переход, Холли, — в свое время ты в этом убедишься. И я верю, что даже этот переход можно отсрочить — при определенных, ко-

нечно, условиях. — Тут его схватил ужасающий приступ кашля. — Все, — сказал он, — пора уходить. Сундучок у тебя. Завещание, в котором я назначаю тебя опекуном сына, — среди моих бумаг. Ты будешь щедро вознагражден, Холли. Я знаю, ты человек честный, но если ты не оправдаешь моего доверия, клянусь Небом, я не прощу тебе этого! Берегись!

Я был слишком ошеломлен, чтобы хоть что-нибудь ответить. Он поднял свечу и посмотрел в зеркало. Болезнь неузнаваемо изменила его некогда прекрасное лицо.

— Добыча для червей, — произнес он. — Странно подумать, что через несколько часов я обращусь в холодное неподвижное тело — путешествие подошло к концу, игра сыграна. Послушай, Холли, если и стоит жить, то только ради любви. В этом я убедился по опыту собственной жизни. Но мой сын Лео, если у него достанет смелости и веры, должен быть счастлив. Прощай, мой друг! — И с неожиданным приливом нежности он обнял меня одной рукой и поцеловал в лоб.

— погоди, Винси, — сказал я, — если ты и в самом деле так плохо себя чувствуешь, я схожу за врачом.

— Нет-нет, — запротестовал он. — Обещай, что не сделаешь этого. Смерть уже пришла за мной, и я хотел бы умереть в одиночестве, как отравленная крыса.

— Ничего с тобой не случится, ты будешь жить, — сказал я.

Он улынулся, прошептал одними губами: «Помни же!» — и вышел.

Я сел и принялся протирать глаза, чтобы убедиться, что все это происходило наяву. Никаких сомнений не могло быть. Тогда я предположил, что Винси был пьян. Я знал, что он давно уже тяжело болен, но какой человек может предугадать день и час своей смерти с абсолютной точностью? Будь он при смерти, откуда взялись бы у него силы тащить тяжелый железный сундучок. Чем больше я размышлял, тем неправдоподобнее казалась мне вся эта история, ибо я был тогда еще недостаточно умудрен, чтобы знать, какие удивительные, даже непостижимые для здравого рассудка чудеса случаются на белом свете. Но я уже получил убедительный урок. Правдоподобно ли, чтобы отец не видел своего пятилетнего сына с самого его младенчества? Нет. Правдоподобно ли, чтобы он мог точно определить

день своей смерти? Нет. Правдоподобно ли, чтобы он мог проследить свою родословную более чем на три столетия до Рождества Христова? Правдоподобно ли, чтобы разумный, вроде бы, человек доверил опеку над сыном приятелю по колледжу, да еще и завещал ему половину состояния? Нет, конечно! Ясно, Винси был пьян или не в своем уме. Что же это все означает тогда? И что хранится в запечатанном железном сундучке?

В полном смятении и замешательстве я решил лечь спать: утро вечера мудренее. Я убрал оставленные Винси ключи и письмо в портфель, а железный сундучок спрятал в большую дорожную сумку, после чего улегся и забылся крепким сном.

Мне показалось, будто я проспал всего несколько минут, когда меня разбудил чей-то голос. Я сел на кровати и огляделся. Было уже совсем светло — пробило восемь.

— В чем дело, Джон? — спросил я у слуги, который был у нас с Винси один на двоих. — У тебя такой вид, как будто бы ты только что видел призрака.

— Я и видел, сэр, — ответил он, — только не призрака, а мертвеца, а это еще похуже. Я заходил, как обычно, к мистери Винси, чтобы разбудить его, а он лежит весь закованный, помер, стало быть.

ГЛАВА II

По прошествии многих лет

Разумеется, скоропостижная кончина мистера Винси сильно взбудоражила колледж, но все знали, как тяжело он болел, и по предоставлении доктором соответствующей справки решили не проводить расследование. В те годы расследование не являлось обязательным, и его старались избегать, так как нередко оно приводило к скандальным разоблачениям. При таких обстоятельствах меня не допрашивали, а сам я никому не рассказывал о нашей последней встрече, упомянул только, что он заходил ко мне, как это часто бывало. В день похорон из Лондона прибыл адвокат, он проводил моего бедного дру-

га в последний путь и тут же уехал со всеми бумагами и документами. Разумеется, я ничего не сказал ему о железном сундучке, оставленном мне на хранение. В течение последующей недели не произошло ничего заслуживающего внимания. Я с головой ушел в подготовку к экзамену, поэтому даже не присутствовал на похоронах и не говорил с адвокатом. Наконец я сдал экзамен, вернулся домой и плюхнулся в кресло, довольный своим успехом, а это действительно был успех, и блистательный.

Вот тогда-то, освобождаясь наконец от заботы, которая много дней поглощала все мои мысли, я вспомнил о событиях ночи накануне смерти бедного Винси. Что же все это означает? — вновь спросил я себя. Услышу ли я еще об этом деле, а если нет, то как следует поступить с загадочным сундучком? Я сидел и размышлял, и чем больше я размышлял, тем тревожнее становилось на душе: таинственное ночное посещение, предчувствие неминуемой смерти, моя торжественная клятва, в случае нарушения которой Винси грозился призвать меня к ответу даже с того света, — все это требовало объяснения. Уж не совершил ли мой друг самоубийства? Похоже было, что так. И что это за поиски, о которых он говорил так невнятно? Во всем этом было что-то сверхъестественно-странное, и, хотя я человек отнюдь не нервный и не склонен тревожиться по поводу событий или явлений, которые выходят за рамки реальности, в мое сердце закрадывался страх, я уже начинал жалеть, что впутался во всю эту историю. Это раскаяние преследует меня вот уже двадцать лет.

Неожиданно послышался стук в дверь, мне принесли большой голубой конверт. С первого же взгляда я понял, что это официальное послание от нотариуса, скорее всего относительно моего опекунства. Это письмо — я все еще продолжаю его хранить — гласило:

«Сэр,

наш клиент, покойный М. Л. Винси, эсквайр, скончавшийся 9-го числа сего месяца в Кембриджском колледже, оставил завещание (копия прилагается), в котором назначает нас исполнителями своей последней воли. Из завещания следует, что в случае

Вашего согласия принять опекунство над Лео Винси, единственным сыном покойного мистера Винси, ребенком пяти лет от роду, Вам будет выплачиваться пожизненная рента с капитала, вложенного в консоли. Если бы мы сами лично, во исполнение точных и недвусмысленных распоряжений мистера Винси, как устных, так и письменных, не составили означенный документ и если бы он не заверил нас, что руководствуется чрезвычайно вескими соображениями, мы вынуждены были бы — столь необычны предусматриваемые в нем условия — ходатайствовать, чтобы Высочайший Суд, в целях защиты интересов ребенка, признал завещателя недееспособным. Будучи, однако, хорошо осведомлены, что завещатель являлся джентльменом глубокого ума и проницательности и что у него нет никаких родственников, которым он мог бы доверить опекунство, мы воздерживаемся от опротестования последней воли покойного.

Мы ждем Ваших распоряжений о ребенке и о выплате причитающейся Вам части ренты.

Искренне преданные Вам, сэры,

Джефффри и Джордан».

Отложив письмо, я пробежал глазами завещание, которое, судя по его непонятности, было составлено с соблюдением строжайших юридических принципов. Насколько я мог уяснить, в нем повторялось все сказанное мне другом накануне смерти. Стало быть, все это верно. Отныне я опекун мальчика. Тут я вспомнил о письме, оставленном вместе с сундучком, принес и вскрыл его. В письме, как и следовало ожидать, говорилось, что я должен распечатать сундучок в тот день, когда Лео исполнится двадцать пять, и что его образование должно включать в себя изучение греческого и арабского языков и высшей математики. В постскриптуме указывалось, что в случае, если Лео умрет, не достигнув двадцати пяти лет, хотя такая возможность и маловероятна, я могу открыть сундучок сам и, ознакомившись с его содержанием, действовать по своему усмотрению. Если же я не захочу что-либо предпринять, я должен уничтожить сундучок со всем его содержимым. Ни при каких обстоятельствах я не должен передавать сундучок кому-нибудь другому.

Письмо не добавляло ничего существенно нового к тому, что я уже знал, и, конечно, никоим образом не препятствовало мне выполнить свое обещание покойному другу, поэтому оставалось лишь сообщить господам Джеффри и Джордану, что по истечении десяти дней я буду готов возложить на себя обязанности опекуна. Затем я обратился к начальству колледжа и рассказал им все, что считал целесообразным, а это было не так уж много; хотя и со значительным трудом, мне все же удалось убедить их, чтобы в случае, если я буду утвержден членом учебного совета, а в этом не было никаких сомнений, мне позволили жить вместе с ребенком. Их согласие, однако, было оговорено условием, что я освобожу квартиру, занимаемую мною в колледже. После недолгих поисков мне удалось снять прекрасную квартиру рядом с воротами колледжа. Далее мне предстояло найти няню. По зрелом размышлении я пришел к выводу, что не могу допустить, чтобы воспитанием ребенка руководила какая-нибудь женщина, которая к тому же могла похитить у меня его привязанность. Мальчик уже в том возрасте, когда вполне может обойтись без женской помощи, поэтому я принялся искать подходящего слугу-мужчину. Мне удалось подыскать очень на вид благопристойного, круглолицего молодого парня; он работал в конюшне, предназначенной для охотничьих лошадей, но сказал, что вырос в семье из семнадцати душ, с детства привык к заботе о своих многочисленных братишках и сестричках и охотно возьмет на себя попечение о мистере Лео, когда тот прибудет. Я отвез сундучок в город и оставил на хранение своему банкиру. Затем купил несколько пособий по уходу за детьми и их воспитанию, проштудировал их сам и прочитал вслух Джобу — так звали молодого слугу. Оставалось только ждать.

Мальчика доставила пожилая особа, она горько плакала, расставаясь с ним. Малыш оказался прехорошеньким — никогда не видел более прелестного. У него были серые глаза, широкий лобик, четко, точно на камее, вырезанное лицо, отнюдь не худое или истощенное. Особенно хороши были короткие золотистые кудряшки. Когда няня наконец нашла в себе силы проститься и уйти, он немного похныкал, но скоро успокоился. Никогда не забуду этой сценки. Вот он стоит,

очаровательный малыш, трет кулачком один глаз, а другим посматривает на нас с Джобом. В золотых завитках его волос играет солнечный свет, льющийся из окна. Я сижу в кресле и маню его рукой, а Джоб, стоя в углу, издает какое-то странное кудахтанье, которое, по его мнению, подкрепленному предыдущим опытом, должно успокаивать детей, внушать им доверие, одновременно он катает взад и вперед преуродливую деревянную лошадку; делает он это с таким остервенением, что возникает невольное сомнение, в своем ли он уме. Так продолжается несколько минут. Затем малыш вытягивает ручонки и бросается ко мне.

— Ты хороший дядя, — говорит он. — Страшный, но хороший.

Через десять минут он — со всеми признаками довольства на лице — поедает уже большой бутерброд с маслом. Джоб хотел было намазать джем поверх масла, но я решительно воспротивился, напомнив о тех авторитетных наставлениях, которые я ему читал.

В скором времени (я только-только успел стать членом ученого совета) мальчик сделался любимцем всего колледжа, куда, несмотря на все запреты, прибегал по сто раз на дню — есть такие баловни судьбы, ради которых смягчаются и самые строгие правила. На алтарь этого маленького божества возлагались бесчисленные приношения, и у меня возникла даже серьезная размолвка с одним старым членом ученого совета, ныне давно уже покойным, который считался черствейшим человеком во всем университете и терпеть не мог детишек. Какое-то время нашего малыша поташнивало. Джоб стал внимательно за ним приглядывать — и что же обнаружилось? Бессовестный старикан заманивал Лео к себе и скармливал ему несчетное множество конфет с ликером. «Как ему не стыдно! — возмущался Джоб. — А ведь он был бы уже дедом, если бы поступил как все люди». Эти слова означали, что ему следовало давно жениться, тогда бы он не приставал к чужим детям.

К сожалению, я не могу отвлекаться на описание тех чудесных лет, которые я все еще вспоминаю с глубокой нежностью. Время шло, и с каждым годом наша с Лео взаимная привязан-

ность росла и росла. Мало кто так любит своих сыновей, как я — Лео, и мало кто из сыновей питает такую глубокую и прочную любовь, как Лео ко мне.

Мальчик превратился в подростка, подросток — в молодого человека, и все это время он становился красивее и красивее как телом, так и духом. В пятнадцать лет за ним укрепилось прозвище Прекрасный Принц, а за мной — Чудище. Каждый день, выходя на прогулку, мы слышали за спиной: «Прекрасный Принц и Чудище». Однажды, обиженный за меня, Лео набросился на здорового, вдвое больше его, мясника и задал ему хорошую взбучку. Я прошел мимо, сделав вид, будто ничего не заметил, но, видя, что драка затянулась, вернулся и стал подбадривать Лео громкими криками. Шуткам по этому поводу не было конца, и тут уж я ничего не мог поделать. Когда Лео стал постарше, студенты последнего курса придумали для нас новые прозвища. Меня они окрестили Хароном, а Лео стали называть Греческим Богом. Не буду распространяться о своем собственном прозвище, скромно замечу лишь, что я никогда не был красив и с годами моя внешность не изменилась к лучшему. Что до Лео, то он вполне заслуживал такое прозвище. В двадцать один год он мог служить натурой для статуи молодого Аполлона. Никогда не встречал никого более красивого и в то же время совершенно равнодушного к своей красоте. К тому же он очень умен, схватывает все на лету, хотя и лишен задатков истинного ученого. Не хватает целеустремленности, качества, может быть, и скучного, но необходимого. В его образовании мы строго следовали отцовской воле, и общие результаты — особенно что касается греческого и арабского языков — можно считать удовлетворительными. Я и сам выучил арабский, чтобы оказывать ему помощь, но через пять лет он знал язык не хуже меня, почти так же основательно, как наш общий учитель-профессор. Я всегда увлекался спортом, это единственная моя страсть, и каждую осень мы отправлялись охотиться либо ловить рыбу в Шотландию, Норвегию, а как-то раз даже в Россию. Стрелок я меткий, но даже и в этом он превзошел меня.

Когда Лео минуло восемнадцать, я вернулся в прежнюю квартиру и определил Лео в свой колледж. В двадцать один он

Содержание

Она

Перевод с англ. А. Ш. Ибрагимова

Глава I. Ночной посетитель	10
Глава II. По прошествии многих лет	18
Глава III. Черепок вазы	24
Глава IV. Шквал	48
Глава V. Голова эфиопа	56
Глава VI. Раннехристианский обряд	66
Глава VII. Устане поет	76
Глава VIII. Пиршество и наше спасение	86
Глава IX. Маленькая ножка	95
Глава X. Размышления	102
Глава XI. Равнина Кор	111
Глава XII. Она	119
Глава XIII. Айша открывает лицо	128
Глава XIV. Душа в адском пламени	140
Глава XV. Айша выносит приговор	148
Глава XVI. Усыпальница Кора	156
Глава XVII. Чаши весов колеблются	166
Глава XVIII. Уходи, женщина!	177
Глава XIX. Приведите черную козу!	189
Глава XX. Триумф	197
Глава XXI. Живой встречается с мертвым	207
Глава XXII. Предчувствие Джоба	216
Глава XXIII. Святилище Истины	227

Глава XXIV. Над бездной	235
Глава XXV. Дух Жизни	244
Глава XXVI. Что мы увидели	255
Глава XXVII. Мы прыгаем	264
Глава XXVIII. Переход через гору	271

Возвращение Айши

Перевод с англ. А. Ш. Ибрагимова

Глава I. Двойное знамение	286
Глава II. Монастырь	295
Глава III. Путеводный свет	310
Глава IV. Снежный обвал	320
Глава V. Ледник	328
Глава VI. В доме над воротами	337
Глава VII. Первое испытание	348
Глава VIII. Псы-палачи	359
Глава IX. При дворе Калуна	370
Глава X. В комнате шамана	380
Глава XI. Охота и убийство	390
Глава XII. Посланница	404
Глава XIII. Под сенью крыл	421
Глава XIV. Судилище	436
Глава XV. Второе испытание	449
Глава XVI. Преображение	468
Глава XVII. Обручение	476
Глава XVIII. Третье испытание	484
Глава XIX. Лео и снежный барс	495
Глава XX. Алхимическая лаборатория Айши	509
Глава XXI. Пророчество Атене	526
Глава XXII. Буйство освобожденных стихий	538
Глава XXIII. Вынужденное согласие Айши	551
Глава XXIV. Смерть Айши	562

Літературно-художнє видання

ГАГГАРД Генрі Райдер

Пригоди Айші

Романи

(російською мовою)

Укладач *Ольга Дидикіна*

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Комп'ютерна верстка *О. М. Залипаєвої*
Коректор *О. А. Степанова*

Підписано до друку 13.06.2017. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Newton». Ум. друк. арк. 30,24. Наклад 6000 пр. Зам. №

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у державному видавництві «Преса України»
03047, м. Київ, просп. Перемоги, 50
Свідцтво про внесення суб'єкта видавничої справи
до Державного реєстру ДК №310 від 11.01.2001 р.

Литературно-художественное издание

ХАГГАРД Генри Райдер

Приключения Айши

Романы

Составитель *Ольга Дыдыкина*

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Компьютерная верстка *Е. М. Залипаевой*
Корректор *О. А. Степанова*

Подписано в печать 13.06.2017. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Newton». Усл. печ. л. 30,24. Тираж 6000 экз. Зак. №

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, пр. Гагарина, 20а
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в государственном издательстве «Пресса Украины»
03047, г. Киев, пр. Победы, 50
Свидетельство о внесении субъекта издательского дела
в Государственный реестр ДК №310 от 11.01.2001 г.

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Высылается бесплатный каталог

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@bookclub.ua
www.trade.bookclub.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@bookclub.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@bookclub.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@bookclub.ua

Профессор із Кембриджа Хорейс Голлі та його підопічний Лео Вінсі вирушають у Східну Африку на пошуки загубленого королівства. Їхня мета — розкрити давню таємницю родини Вінсі, який шукає правдиві подробиці про долю своїх предків. Вони виявляють плем'я дикунів і загадкову білу королеву — Айшу, що відкрила таємницю безсмертя. Незабаром Голлі та Вінсі дізнаються, що Айша, імовірно, пов'язана зі стародавньою загадкою, яку вони намагаються розгадати...

Хаггард Г.-Р.

**X13 Приключения Айши : романы / Генри Райдер Хаггард ;
сост. О. Дыдыкина ; пер. с англ. А. Ибрагимова. — Харьков :
Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 576 с.**

ISBN 978-617-12-3390-4

Профессор из Кембриджа Хорейс Холли и его подопечный Лео Винси отправляются в Восточную Африку на поиски затерянного королевства. Их цель — раскрыть древнюю тайну семьи Винси, ищущего правдивые подробности о судьбе своих предков. Они обнаруживают племя дикарей и загадочную белую королеву — Айшу, открывшую тайну бессмертия. Вскоре Холли и Винси узнают, что Айша, вероятно, связана с древней загадкой, которую они пытаются разгадать...

**УДК 821.111
ББК 84(4Вел)**